

А. Тарковский. Дневники

1981 год

11 ноября

...Почему-то вспомнилось, как, будучи в Италии, я обнаружил Владимирскую Божию Матерь (икону) в древнем соборчике на побережье. И как тревожно-сладко стало на душе, как будто от нетерпения в ожидании какого-то радостного события, которое непременно должно случиться...

13 ноября

Был у Лиды и Володи... В разговоре я пришел к мысли о том, что искусство есть реакция человека (находящегося на одном из низких уровней) на стремление к высшему. И этот драматический конфликт (при неумении видеть путь) и есть содержание искусства, художественного образа. Также о материале - в случае действительного осознания драматичности своего состояния для художника не имеет значения материал - он пользуется любым подручным. Толстой - «Анна Каренина», Леонардо - почти каноничное отношение к своим персонажам, связанным со священной историей. Рублев писал просто по лицевому подлиннику. Бах находил его всюду, вплоть до того, что мог взять чужой концерт - скажем, Вивальди, переписав его от ноты до ноты для других инструментов только, может быть, и возникало гениальное произведение, какого не было до него (и после Вивальди). Искусство (как свидетельство нравственных усилий человека) перестанет существовать, если все вознесутся на новые уровни, высоты.

Что же это значит эта итальянская копия Владимирской Божией Матери? Знак? А найденная рукопись «Рублева»? Тоже? Знак чего? Последние годы (один, два) я живу словно на чемоданах. Я чего-то жду. Каких-то удивительных событий, которые все изменят в моей судьбе. И я знаю, что ожидание это не тщетно. Я убежден в этом...

Фрагмент из книги «Мартиролог: дневники, 1970–1986» (С. 371)